THE HEROES OF EURIPIDES ON COPTIC TEXTILES

A.Ya. Kakovkin

The cultural heritage of ancient Greece and Rome forms a strong trend in Coptic art, especially in representations on Coptic textiles. There is a distinct group among them depicting the heroes of Greek drama. The most frequently cited of the Greek authors was Euripides. Over a dozen textiles of the 3rd–8th cc. are known bearing the images of the heroes of his tragedies: Hippolytus, Phaedra, Iphigenia, Orestes, Pylades, Jason, Medea and Paris. The presence of most of these heroes on textiles used as burial shrouds can be explained by the soteriological ideas connected with these characters.

© 2001 г.

ЕГИПЕТСКИЕ ПУТЕЩЕСТВИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА*

Тема «Ростовцев и путешествия» вряд ли нуждается в специальном представлении – достаточно хорошо известно, какую роль играли заграничные поездки молодого ученого в его жизни и творчестве, как часто путешествовал Ростовцев в свои поздние годы. Об этом говорится во множестве работ¹, и чтобы не повторять старые факты, приведу два менее известных примера. На мой взгляд, они свидетельствуют о том, что даже в пожилом возрасте историк оставался заядлым путешественником и жажда открытий, хотя и не столь острая, как в молодости, не покидала его. В адресованном Ростовцеву письме от 21 октября 1935 г. итальянский папиролог М. Норса пишет, что не смогла отправить ему последние тома флорентийских папирусов PSI, которые она издавала с Дж. Вителли, «поскольку, – поясняет далее М. Норса, – мы не знаем, где Вы находитесь: в Египте, Месопотамии, Париже, Риме?»². Во время путешествия по Индии в январе 1937 г. Ростовцев отправил из Мадраса письмо Ф. Кюмону, в котором, в частности, писал: «Жаль, что я предпринял это путешествие так поздно. С 66 годами за плечами нет уже ни свежих сил, ни стремления к интеллектуальному и эстетическому познанию, как в те времена, когда я впервые попал в Сирию». Но несколькими строками выше, объясняя, почему Индия стала для него настоящим откровением, он приводил следующий аргумент: «Я люблю видеть вещи, которые изучаю, и я впервые наблюдаю религиозную жизнь больших языческих храмов, правда, восточных, но опосредованно и с некоторыми изменениями также и храмов греческих и римских, кельтских и фракийских»³. Эта любовь – видеть своими глазами изучаемые предметы, - бесспорно, была причиной многочисленных путешествий историка на протяжении всей его жизни.

^{*} Статья представляет собой переработанный доклад, с которым я выступил на проходившей в Париже 17–19 мая 2000 г. Международной конференции, посвященной М.И. Ростовцеву. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить ее организаторов Ж. Андро, В. Береловича и Г.М. Бонгард-Левина за их помощь и поддержку.

¹ См., например, Вернадский Г. М.И. Ростовцев (к шестидесятилетию его) // Seminarium Kondakovianum. 1931. 4. С. 239–244; Тихонов И.Л. Заграничные командировки 1893–1898 гг. М.И. Ростовцева: становление археолога // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции в память академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 12–14; Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 43 слл., 50 слл., 145 слл., 185 слл. и др.

² Duke University Special Collections Library, M.I. Rostovtzeff Papers. Box 2. Languages: Italian, 1927, July – 1940, May, n.d.

³ Бонгард-Левин Г.М., Бонне К., Литвиненко Ю.Н., Марконе А. «Монгол приветствует сирийца»: переписка М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона // ВДИ. 2000. № 3. С. 154.

Не менее подробно исследована другая тема — «Ростовцев и греко-римский Египет». Ей посвящено несколько обстоятельных статей и недавно вышедшая монография итальянского историка П. Дж. Микелотто⁵, не говоря уже о многочисленных упоминаниях и ссылках в работах по античной истории⁶. В них дан более или менее исчерпывающий ответ на вопрос о характере ростовцевской концепции экономики и общества греко-римского Египта, определено место этой концепции в историографии XX столетия. Поэтому в своей статье я не стану обращаться к данной теме⁷. В большей степени меня будет интересовать другой сюжет, который, совмещая в себе две вышеупомянутые темы, сами по себе хорошо изученные, все еще остается белым пятном в биографии Ростовцева: его египетские путешествия. Источниками здесь мне послужат путевые очерки историка, публиковавшиеся в разное время в русской (в том числе эмигрантской) периодике, а также малоизвестные материалы из его архивного наследия: черновые заметки, конспекты, выписки, переписка с друзьями и коллегами⁸.

Путешествуя по Египту, Страбон дважды цитирует стихи Гомера (Od. IV. 483) о долгом и трудном возвращении в эту страну (Strabo. XVII. 1. 12, 20), и эти строки как нельзя лучше подходят к нашему сюжету: первое египетское путешествие Ростовцева состоялось зимой 1907–1908 гг. – спустя 10 лет после того, как греко-римский Египет стал объектом пристального интереса начинающего историка⁹, а второе – лишь через 20 лет после первого: зимой-весной 1928 г. 10

Годы, предшествующие первой поездке, совпали с новыми открытиями в области антиковедения, прежде всего связанными с многочисленными находками в Египте в конце XIX в. греческих папирусов и последовавшими за этим их первыми серийными публикациями¹¹. Как наука в современном смысле слова папирология зародилась в 90-е годы XIX века, а вместе с ней возникла иллюзия о «статистической» ценности массового материала документальных папирусов, отчасти питаемая проходившим в те годы спором между «примитивистами» и «модернизаторами» о характере древней экономики¹². На мой взгляд, именно эти обстоятельства предопределили интерес молодого Ростовцева к социально-экономической истории античного мира и в значительной мере повлияли на то, что его выбор пал на греко-римский Египет. В «Откупе», где

⁴ См., например, *Préaux C.* Michel Rostovtzeff // Cd'É. 1954. 29. P. 183–190; *Heinen H.* Das hellenistische Ägypten im Werk M.I. Rostovtzeff // Offenheit und Interesse. Studien zum 65. Geburtstag von Gerhard Wirth. Amsterdam, 1993. S. 237–269; *Павловская А.И.* О роли М.И. Ростовцева в развитии папирологических исследований в России // ВДИ. 1997. № 1. С. 169–183 и др.

⁵ Michelotto P.G. La riflessione storico-economica di M.I. Rostovtzeff: il «caso» dell' Egitto ellenistico-romano. Milano, 1999.

⁶ Прежде всего отмечу те публикации, где критически рассматривается «этатистская» концепция Ростовцева: *Préaux C*. L'économie lagide: 1933–1958 // Proceedings of the IX-th International Congress of Papyrology. Oslo, 1961. P. 216 ff.; *Turner E.G.* Ptolemaic Egypt // CAH². P. 148; *Orrieux C.* Zénon de Caunos, *parépidèmos*, et le destin grec. P., 1985. P. 15–27.

⁷ Напомню, что эта тема недавно была предметом моего исследования: *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет Ростовцева // ВДИ. 1999. № 4. С. 180–188.

⁸ Речь идет прежде всего об архивах Санкт-Петербурга (РГИА), Парижа (Институт Франции и Центр Голенищева), Дьюкского и Йельского университетов (США); описание этих архивов см. Скифский роман. С. 17–39.

⁹ Первыми серьезными исследованиями Ростовцева в области социально-экономической истории грекоримского Египта можно считать его статью об управлении имуществом римского императора в Египте (Rostovtzeff M. Die kaiserliche Patrimonialverwaltung in Ägypten // Philologus. 1898. 57. S. 564–577) и магистерскую диссертацию об истории государственного откупа в Римской империи, вышедшую отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1899 г.

¹⁰ См. Ростовцев М. Письма с Ближнего Востока. І. Египет. Письмо первое // Руль. 8 июля 1928 г. С. 2: «Много лет прошло с тех пор как я был в Египте». В 1912 г. С.М. и М.И. Ростовцевы совершили путешествие в Палестину (см. Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. 1912. 1. 3. Декабрь. С. 247−266; он же. Палестина в наши дни // Гермес. 1913. 1−2. С. 21−29), однако у меня нет никакой информации о том, заезжали ли они в Египет во время этого путешествия.

¹¹ Обзор этих открытий и первых папирусных изданий см. Turner E.G. Greek Papyri. Oxf., 1980.

¹² Подробнее об этой дискуссии см. Will Éd. Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie grecque antique // Annales. 1954. 1. P. 7-22.

египетским сюжетам отведено около трети всего объема книги, он фактически впервые в русской историографии использовал в качестве основного источника документальные папирусы, предпочтя их более популярным в то время литературным папирусам¹³. По мнению Ростовцева, папирусы и острака финансового характера позволяли использовать «статистический метод» при исследовании хозяйственной жизни древних. Классическим примером такого исследования он считал книгу У. Вилькена, посвященную греческим острака из Египта. Ростовцев полагал, что У. Вилькену удалось рассмотреть всю «финансовую историю» греко-римского Египта на основе... 1624 черепков. В споре К. Бюхера и Э. Мейера У. Вилькен занял сторону последнего. а Ростовцев в свою очередь солидаризовался с «отцом немецкой папирологии». «Вполне очевидно, - писал он в рецензии на труд У. Вилькена, - что Египет под схему домового хозяйства не подведешь» и делал вывод: в греко-римском Египте хозяйство было «народным», и эта картина, возникающая благодаря многочисленным папирусам и острака, может быть взята за основу для воссоздания картины всего эллинистического и даже (принимая ростовцевский тезис о преемственности институтов государства и права в древности) всего римского мира¹⁴. Таким образом, в глазах молодого историка Египет с его папирусами превращался в своего рода «идеальную модель», «место откровения» для науки о древности и, как показывают его более поздние работы, не только для нее одной.

Такой подход, хотя и опирался на логику строго научного исследования, был чем-то сродни «египтомании» - болезни европейцев нового времени, унаследовавших от античности «египетский миф» и создавших на его основе свой собственный с помощью библейских и христианских легенд, болезни, рецидивы которой наблюдаются еще и сегодня¹⁵. Страна пирамид и обелисков, Исиды и Осириса, Моисея и Святого Семейства, средоточие тайн и чудес, колыбель цивилизации, Египет с давних пор притягивал взоры европейцев и звал совершить путешествие по Нилу. О магии этого образа и силе его притяжения свидетельствуют записки путешественников, которые 30 лет тому назад начал издавать С. Сонерон в «Collection des voyageurs occidentaux en Égypte» и которые к настоящему времени насчитывают несколько десятков томов. Замечу, что по крайней мере с эпохи Ивана III к христианским святыням Египта и Синая проложили путь и русские паломники. Их многочисленные записки публиковались в 80-90-е годы XIX в. в «Православном Палестинском сборнике», а впоследствии были частично переизданы в Каире О. Волковым 16. Судя по последней книге, паломничества русских в Египет продолжались в течение всего XIX и отчасти XX столетия. После египетской кампании Наполеона, завершившейся изданием монументального «Description de l'Égypte», на смену паломникам приходят ученые: в долину Нила снаряжаются экспедиции, идет становление египтологии как науки, особую популярность приобретает жанр «археологического путешествия». Примечательно, что среди предшественников Ростовцева, путешествовавших в Египет с научной целью, был его учитель Н.П. Кондаков, совершивший в 60-90-е годы XIX в. ряд поездок-экспедиций в Египет и на Ближний Восток, после которых осталось несколько опубликованных работ и огромное

¹³ См. *Павловская*. Ук. соч. С. 169 слл.

¹⁴ См. *Ростовцев М.* Новые данные по истории финансового управления греко-римским Египтом (по поводу книги: U. Wilcken. Die griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien) // ЖМНП. 1900. Март. № 3–4. С. 133–165 (в частности см. с. 148); *он же.* Наука о древности и греческие папирусы // Научное слово. 1905. 10. С. 90 слл.

¹⁵ Об истории «египтомании» на Западе см. Donadoni S., Curto S., Donadoni Roveri A.M. Egypt from Myth to Egyptology. Milano – Torino, 1990. О «египтомании» в искусстве нового и новейшего времени см. великолепный каталог выставки: Egyptomania: Egypt in Western Art, 1730–1930. Paris – Ottawa, 1994. В качестве примера «египтомании» в современной историографии назову любопытную книгу: Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. L., 1987. Не могу не упомянуть наших соотечественников Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, чьи курьезные главы по истории Египта (см., например, их книгу: Империя. М., 1996. С. 481 слл.) – пример «египтомании наоборот».

¹⁶ Volkoff O.V. Voyageurs russes en Egypte. Le Caire, 1972.

количество до сих пор не изданных фотографий¹⁷. Не исключено, что любовь и вкус к «археологическим путешествиям» на Восток Н.П. Кондаков привил своему ученику. Итак, в начале прошлого века вопрос о поездке Ростовцева в Египет был предрешен, и в декабре 1907 г. С.М. и М.И. Ростовцевы высадились в порту Александрии.

Впечатления о своем первом египетском путешествии Ростовцев изложил (как он обычно это делал после зарубежных поездок) в статье, опубликованной в журнале «Русская мысль», а затем и в виде отдельной брошюры¹⁸. Она начинается с ироничных слов автора по поводу установившегося еще со времен Геродота и Платона отношения к Египту как «стране чудес и курьезов». «Египтомания» Ростовцева другого толка: он причисляет себя к тем «вдумчивым туристам», которые задаются вопросом, «какое влияние на мировую греко-римскую культуру, на основах которой выросли и мы, оказало многотысячелетнее культурное развитие» одной из древнейших цивилизаций. Это «египтомания» ученого начала XX в., привыкшего «верить в идею непрерывной мировой эволюции» и в исторический прогресс¹⁹. Оказавшись в Египте. Ростовцев не ограничился лишь обращенными в прошлое поисками начал греко-римской и – шире – западной цивилизации. Его интересуют связи египетской культуры с культурой античного Средиземноморья, и, пытаясь понять природу этих связей, он использует свой излюбленный прием «перебрасывания мостов» межпу прошлым и настоящим и делает это на примере Александрии²⁰. Через современную Александрию Ростовцев, подобно поэту Кавафису, воссоздает образ древней Александрии с ее «правильными, сравнительно широкими, мощеными улицами, с прекрасной канализацией, с каменными домами иногда в несколько этажей, с роскошными плошалями. богатыми храмами и общественными зданиями, среди которых научные и образовательно-воспитательные учреждения играют далеко не последнюю роль»²¹. Как и Кавафис, Ростовцев отдает предпочтение древней Александрии: «Гордый двор Птолемеев не чета двору хедива, и меркантильной интеллигенции левантинской складки... далеко до того цвета науки и искусства, который собирали около себя лучшие из Птолемеев. Гетеры древние тоже были шикарнее теперешних»²². Хвалебная ода столице эллинистического мира разбавлена научными описаниями городских памятников, например некрополей птолемеевского и римско-византийского времени Шатби и Ком-эль-Шукафа, а также общими рассуждениями об александрийской художественной школе ^{23} .

Целью первой поездки было знакомство с памятниками архитектуры и декоративного искусства Египта от фараоновских времен до христианской эпохи. «Меня лично, – пишет Ростовцев, – повлекла в Египет специальная работа в области истории искусства... Меня давно уже занимает вопрос об эволюции наименее индивидуального в искусстве, вопрос о развитии так называемой декоративной живописи»²⁴. Маршрут путешествия диктовался этой целью: музеи Александрии и Каира, храмы и гробницы Нижнего и Верхнего Египта, хотя при этом он выглядел вполне традиционно: Каир – пирамиды – Мемфис – Фивы и их окрестности – Элефантина – Абу Симбел. Особый восторг Ростовцева вызвали росписи фиванских гробниц и Каирский египтологический музей, которым руководил Г. Масперо. Тогда Ростовцеву так и не удалось встре-

¹⁷ См. Кондаков Н.П. Путешествие на Синай в 1881 г. Из путевых впечатлений. Одесса, 1882; он же. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. Фотографии, сохранившиеся от этих поездок, находятся в архиве Кондакова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Пользуясь случаем, выражаю признательность И.В. Тункиной, познакомившей меня с этим интереснейшим архивом.

¹⁸ Ростовцев М.И. Поездка в Египет // Русская мысль. 1908. Июнь. С. 107–127; он же. Поездка в Египет. М., 1908 (далее цитируется именно это издание).

¹⁹ Ростовцев. Поездка в Египет. С. 3, 23.

 $^{^{20}}$ Он же. Александрия (путевые заметки) // Гермес. 1908. № 2. С. 41–47; № 3. С. 73–75; ср. он же. Эллинизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1904. 80. С. 651.

²¹ Он же. Эллинизм. С. 651.

²² Он же. Александрия... С. 43.

²³ Он же. Поездка в Египет. С. 7-9.

²⁴ Там же. С. 6.

титься с великим египтологом, однако в архиве последнего, хранящемся в Институте Франции, имеется несколько писем, написанных русским ученым за период его двухмесячного пребывания в Египте, в которых он благодарит директора «Службы древностей» за помощь и поддержку²⁵. Цель, которую ставил перед собой Ростовцев, была достигнута: в 1908 г. в Санкт-Петербурге вышла его книга «Эллинистическоримский архитектурный пейзаж», где египетским памятникам и мотивам уделено едва ли не центральное место. В приложении к книге (с. 142–143) автор привел в качестве подкрепления археологических данных об архитектуре жилых построек Египта данные папирусов, на 75 лет предвосхитив замечательный словарь Ж. Уиссон²⁶.

Это приложение выглядит несколько неожиданным, поскольку папирусы, если верить путевым заметкам Ростовцева, не интересовали его во время первой поездки в Египте ^{27} . Однако это не означает, что данная тема не волновала его вообще – в годы, препшествующие первой мировой войне. Ростовцев вел активную деятельность по созданию российской школы папирологии. М. Капассо в своем исследовании на тему «Ростовцев и папирология» справедливо отмечает, что, хотя русский ученый и не был папирологом в узком смысле слова, его вклад в данную отрасль классических штудий огромен как с точки зрения интерпретации источников (именно этой стороне его творчества посвящена обстоятельная статья М. Капассо²⁸), так и с точки зрения приобретения папирусов и создания материальной базы для папирологических исследований (мое дальнейшее внимание будет главным образом посвящено именно этому аспекту деятельности Ростовцева). Предваряя свои выводы, замечу, что не могу согласиться с заключительными словами итальянского папиролога о том, что пример Ростовцева – счастливый для папирологии пример появления «нужного человека» в «нужный момент»²⁹. Личная драма Ростовцева-папиролога состояла как раз в том, что его деятельность в этой области науки пришлась на совсем неподходящий период времени.

В Российском государственном историческом архиве мне удалось познакомиться с материалами, относящимися к преподавательской работе Ростовцева на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Значительная их часть посвящена папирологии и истории птолемеевского Египта³⁰. Это черновики и конспекты курсов лекций и семинарских занятий, различные заметки и выписки, фотографии папирусов. Основные рубрики: история папирологии и значение папирусов, публикации папирусов, библиография, центры папирологии (характерно, что Россия среди них не значится), personalia, переписанные от руки греческие тексты изданных папирусов, аграрная и социальная история эллинистического Египта и др. Эти архивные материалы, а также некоторые довоенные публикации Ростовцева³¹ свидетельствуют о его стремлении приобщить Россию к «хору культурных наций Европы» в области папирологии. Главными причинами беспокойства ученого были, во-первых, отсутствие в России своего папирологического центра, во-вторых, малочисленность и разрозненность отечественной коллекции папирусов. В начале прошлого века антиковедение, представленное именами Ф.Ф. Соколова, Ф.Г. Мищенко, Ф.Ф. Зелинского,

²⁵ Institut de France. M.S. 4041. Fonds G. Maspero. Correspondance XLI, ff. 222–228.

²⁶ Husson G. OIKIA. Le vocabulaire de la maison privée en Égypte d'après les papyrus grecs. P., 1983.

²⁷ Ср. Ростовцев. Поездка в Египет. С. 14. В йельском архиве историка сохранился его путевой блокнот, относящийся к путешествию в Египет в декабре 1907 – феврале 1908 г. (Mikhail I. Rostovtzeff Papers, Manuscripts and Archives, Yale University Library. 1133. Series I. Вох 8. Folder 78). В нем содержатся записи по «декоративной настенной живописи», а также общие заметки о путешествии, описания, рисунки и схемы, касающиеся в основном памятников архитектуры, произведений искусства и изделий ремесла, но – ни слова о папирусах.

²⁸ Capasso M. Rostovtzeff e la papirologia // Rostovtzeff e l'Italia / Ed. A. Marcone. Napoli, 1999. P. 369-418.

²⁹ Ibid. P. 415.

³⁰ РГИА. Ф. 1041. Оп. 1. Ед. хр. 41, 64.

³¹ Помимо уже указанных работ историка см. *Ростовцев М.И*. Египетский музей В.С. Голенищева // ИАК. 1908. 27. Прибавление. С. 35–38; а также его рецензии на книги М.М. Хвостова и В. Отто.

³² Ростовцев. Русская археология в Палестине. С. 256.

В.П. Бузескула, В.К. Ернштедта, В.В. Латышева и др., было на подъеме. Что касается папирологических исследований, то их, кроме Ростовцева, проводили такие известные и талантливые ученые, как Г.Ф. Церетели, М.М. Хвостов, Б.Н. Фрезе и др., так что интеллектуальные основы для создания подобного центра в России имелись³³. В 1914 г. в Петербурге начал свою работу папирологический семинар Ростовцева и Г.Ф. Церетели, и скорее всего именно тогда зародилась идея издать силами участников семинара все папирусы, хранившиеся в собраниях России. Лишь через 20 лет, когда Ростовцев начнет работать над аналогичным проектом в Йельском университете, ее сумеет реализовать Г.Ф. Церетели со своими учениками О.О. Крюгером и П.В. Ернштедтом, но издатели Р. Russ. Georg. ³⁴ побоятся упомянуть имя эмигранта Ростовцева, стоявшего у истоков этой идеи.

Для успешной и плодотворной работы семинара требовались папирусы. 6 мая 1914 г. Ростовцев и египтолог Б.А. Тураев подготовили для Академии наук и Министерства народного просвещения «Записку о снаряжении экспедиции в Египет для покупки папирусов и об ассигновании средств на нее» В своей части «Записки» Ростовцев пишет о том, что нового дала папирология для изучения политической, экономической, социальной, правовой и культурной истории древнего мира, и делает вывод: без папирологии теперь «занятия античным миром в какой бы то ни было области совершенно невозможны» В сли ведущие страны Запада активно участвуют в создании своих папирологических коллекций, то Россия все еще стоит в стороне от этой деятельности. Для создания русской папирологической школы необходима своя более или менее приличная коллекция, поэтому Ростовцев просит запланировать на февраль — апрель 1915 г. командировку российских ученых в Египет для закупки греческих папирусов и выделить на это 10 000 рублей из средств Государственного казначейства. Начавшаяся летом 1914 г. война и последовавшие за ней драматические события помешали этим планам и сорвали поездку историка в Египет.

Я не буду подробно останавливаться на времени, предшествующем второму египетскому путешествию Ростовцева в феврале-марте 1928 г., ввиду детального освещения этого периода его жизни в работах Г.У. Бауэрсока, М. Веса, Г.М. Бонгард-Левина и Х. Фон Штадена³⁷. Замечу лишь, что все это время греко-римский Египет и его папирусы оставались в центре профессиональных интересов ученого, открывшего для широкого читателя уникальный архив Зенона и окончательно сформулировавшего этатистскую концепцию птолемеевской экономики³⁸. Перейдя из Висконсина в Йель, Ростовцев, наряду с подготовкой большого археологического проекта, который в конце концов вылился в раскопки Дура-Европос, включился в работу «консорциума» по покупке папирусов в Египте, созданного в 1920 г. по инициативе Ф.У. Келси и объединявшего Мичиганский и Йельский университеты и Британский музей³⁹. В 1926 г. Ростовцев обратился к президенту Йеля Дж. Р. Энджеллу с просьбой поддержать

 $^{^{33}}$ Подробнее о развитии антиковедения и папирологии в России в конце XIX – начале XX в. см. Фихман И.Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 52–56; Павловская. Ук. соч.; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 175–396.

³⁴ Papyri russischer und georgischer Sammlungen. Bd. 1–5. Tiflis, 1925–1935.

³⁵ Впервые опубликована И.В. Тункиной: Скифский роман. С. 111–113.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ Bowersock G.W. Rostovtzeff in Madison // The American Scholar. 1986 (Summer). P. 391–400; Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990; Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман. С. 145 слл.; Von Staden H. Rostovtzeff a Yale // Rostovtzeff e l'Italia... P. 65–95.

³⁸ Cm. Rostovtzeff M. The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times // JEA. 1920. 6. P. 161–178; idem. A Large Estate in Egypt in the IIIrd Century B.C. Madison, 1922.

³⁹ Об истории йельской коллекции папирусов и роли в ней Ростовцева см. *Emmel S.* Antiquity in Fragments: a Hundred Years of Collecting Papyri at Yale // The Yale University Library Gazette. October 1989. 64. 1–2. P. 38–58.

данный проект⁴⁰. Результатом этой просьбы стало участие Йельского университета зимой 1926—1927 гг. в экспедиции за папирусами, возглавляемой англичанином Г.И. Беллом. Одновременно Ростовцев попытался установить контакты с выдающимся русским египтологом В.С. Голенищевым, с которым его связывало давнее знакомство⁴¹ и который в 1924—1929 гг. был профессором Каирского университета. 21 января 1927 г. Ростовцев написал В.С. Голенищеву письмо и попросил помочь приобрести папирусы для Йельского университета: «Хотелось бы иметь что-либо хорошее и интересное. Строю здесь школу исследователей древней истории, и для нее мне папирусы нужны до зарезу»⁴². К сожалению, мы не знаем, как В.С. Голенищев отреагировал на эту просьбу. Согласно размещенной в интернете электронной версии каталога йельских папирусов, в 1927 г. большинство документов (около 230) было куплено Г.И. Беллом, У.Л. Уэстерманном и Ф.У. Келси при посредничестве некоего «доктора Аскерна».

Второе путешествие Ростовцева в Египет достаточно подробно освещено в его письмах к Дж.Р. Энджеллу и путевых записках, хранящихся в архиве Йельского университета, а также в опубликованных одновременно в Берлине и Париже трех газетных статьях⁴³. Попутно замечу, что эти три очерка вышли первыми в серии его «исторических репортажей с Востока», печатавшихся в русской эмигрантской прессе в конце 20-х – начале 30-х годов⁴⁴. На этот раз египетское путешествие было частью большой поездки историка на Ближний Восток, включавшей наряду с Египтом Палестину, Сирию, Иорданию и их «караванные города» Пальмиру, Петру, Герасу (где Йельский университет собирался проводить археологические раскопки) и Пура-Европос, где весной 1928 г. начались раскопки йельской экспедиции под научным руководством Ростовцева. По письмам к Дж.Р. Энджеллу и путевым заметкам Ростовцева можно проследить сроки и маршрут его египетского путешествия. 13 февраля Софья Михайловна и Михаил Иванович отплывают из Марселя в Александрию; 1 марта они проживают в отеле «Савой» в Луксоре, а до этого они останавливались в Александрии, Каире, Фаюме, где Мичиганский университет проводил раскопки грекоримского поселения Каранис; 4 марта – посещение острова Эдфу; 22 марта Ростовцевы уже в Иерусалиме.

Более подробную информацию о целях этой поездки и впечатлениях от нее мы найдем в трех «берлинских письмах». Первое письмо начинается с оценки политичес-

⁴⁰ О стремлении Ростовцева создать в Йеле папирологический центр свидетельствует его речь перед выпускниками университета, с которой он выступил в начале 1926 г. и в которой, в частности, отмечал, что в области папирологии Йель отстает от Мичиганского, Колумбийского, Корнельского, Калифорнийского и ряда других американских университетов, и выражал надежду, «что это унизительное положение – явление временное» (см. Скифский роман. С. 172 сл.).

⁴¹ Еще до первой мировой войны Ростовцев участвовал в решении вопроса о приобретении Россией коллекции египетских древностей В.С. Голенищева. Во многом благодаря его усилиям, в частности выступлениям в печати (см. его статью «Египетский музей В.С. Голенищева»), коллекция была приобретена для московского музея Александра III; см. Скифский роман. С. 63.

⁴² Письмо хранится в парижском Центре Голенищева (Centre Wladimir Golenischeff [EPHE]. Archives Golenischeff. Correspondance R). Благодарю Ж. Йойотта, предоставившего в мое распоряжение копию этого письма.

⁴³ Ростовцев М. Письма с Ближнего Востока. І. Египет // Руль. 8, 13, 15 июля 1928 г. (Берлин). Эти же очерки были опубликованы в трех номерах парижского «Возрождения» за 8, 13 и 17 июля 1928 г.

⁴⁴ Помимо трех «египетских писем» см. *Ростиовцев М.* Письма с Ближнего Востока. П. Караванные города Аравии и Сирии. Письмо четвертое // Руль. 22 июля 1928 г.; он же. Письма с Ближнего Востока. Караванные города Аравии, Заиорданья и Сирии. Письмо пятое // Возрождение. 28 июля 1928 г.; он же. Письма из Ближнего Востока. Караванные города Аравии, Заиорданья и Сирии. Письмо шестое // Возрождение. 3 августа 1928 г.; он же. О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Трансиордании и Сирии // Современные записки. 1930. 41. С. 372–393; 42. С. 292–308; 43. С. 353–375; 44. С. 300–320; он же. Письма с Ближнего Востока. Сумер и Аккад // Современные записки. 1932. 49. С. 271–288.

кой ситуации в Египте, где поднимала голову местная буржуазия и усиливались националистические настроения. Характеризуя эту ситуацию, Ростовцев прибегает – прямо или косвенно – к обычным для него вольным сопоставлениям: с русской революцией, когда говорит о «полусознательном, разрушительном, отрицательном, если хотите большевистском национализме феллаха», и с хозяйничаньем греков и римлян в полине Нила, когда пишет о местной верхушке, в основном состоящей из «пришельцев в прошлом и в прошлом господ Египта, цель которых иметь и эксплуатировать Египет для себя». Затем автор переходит к теме археологического изучения древнеегипетских памятников. Разумеется, тон здесь, как и в Дура-Европос, задают американцы и французы. Как и 20 лет назад, «Россия не представлена в этом соперничестве наций», более того, теперь большевистскую Россию сюда не пускают, а «старую Россию забыли и не верят, что она вернется». Остается лишь надеяться, что египетский «большевистский национализм» не пресечет археологической активности просвещенных стран Запада. В третьем письме, посвященном археологии грекоримского Египта и его папирусам, Ростовцев сообщает о целях своего приезда. Их две: «Первая – приобрести для моего университета коллекцию греческих папирусов для моего папирологического семинария, вторая – изучить музеи и руины Египта для моей книги о социальной и экономической истории эпохи эллинизма, которую я – инш Аллах – постепенно собираю по кусочкам». Далее он пишет, что с первой задачей не справился, поскольку не сумел сторговаться с «королем каирских антикваров» М. Нахманом⁴⁵, зато со второй задачей «справился хорошо». Изучение руин и музеев на местах, впечатления от страны, увиденной из окна автомобиля или поезда, страны, где жизнь миллионов феллахов в сущности не изменилась по сравнению с временами фараонов, персов, греков и римлян, помогли историку впоследствии написать грандиозную книгу об эллинизме, в которой Египту отводилось центральное место⁴⁶. В конце же 20-х годов Ростовцев надеялся, что ему «удастся написать книгу о птолемеевском и римском Египте, иллюстрированную фотографиями современного Египта, наряду со снимками с древних памятников», но этим замыслам не суждено было сбыться.

Третье письмо отличает особый пессимистический настрой. Бродя по руинам Сокнопайю Несос, Крокодилополя и своей любимой Филадельфии, где когда-то жили его «друзья» Аполлоний и Зенон, Ростовцев с грустью замечает кругом «мерзость запустения» и пишет, что грабительские раскопки искателей папирусов и хищническая деятельность себахинов окончательно погубили эти памятники и развалины многих других фаюмских городов, поселений и храмов. Местами он переходит на слог пророка: «Долго вопиял мой голос в пустыне: раскопайте систематически хоть одну деревню Фаюма. Слава Богу, теперь он услышан»⁴⁷ – американские археологи приступили к раскопкам Караниса. Скепсис сквозит и в рассуждениях Ростовцева о «греко-

⁴⁵ В письме к Дж. Р. Энджеллу от 1 марта 1928 г. Ростовцев писал: «Шансов на приобретение папирусов очень мало. Цены высокие, а материал невыразительный. Здесь в Луксоре я купил несколько обрывков – просто чтобы спасти их. Возможно в Каире я найду что-нибудь получше. Но скорее всего я привезу назад значительную часть той суммы, которую Вы мне дали на покупку папирусов». Из другого его письма к президенту Йеля от 22 марта 1928 мы узнаем, что Ростовцев «нашел на рынке интересные папирусы и уже готов был купить их за 300 фунтов», но после более внимательного знакомства с ними «пришел к выводу, что запрашиваемая цена слишком высока, и сказал об этом продавцу, но тот не уступил». Позже в адресованной Дж.Р. Энджеллу записке Ростовцев сообщал, что из выданных ему Йельским университетом 200 долларов он потратил на покупку папирусов не более 30. См. James Rowland Angell Presidential Records, Manuscripts and Archives, Yale University Library. Yale Record Group 2–A–14. Cartoon 169. 1782 (Rostovtzeff 1924–1929).

⁴⁶ Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941.

⁴⁷ В 1923 г., будучи профессором Висконсинского университета, Ростовцев выступил с проектом организации археологической экспедиции в Фаюмский оазис, но не сумел реализовать его; см. Скифский роман. С. 160.

египетском культурном синкретизме», о котором он с таким восторгом писал во время своего первого путешествия в Египет. Птолемеевское искусство — «все еще загадка». Греческое искусство Александрии весьма своеобразное, оно «немножко болезненное, немножко слащавое, чрезвычайно изящное. Александрийцы не смеются, они улыбаются, часто кривой усмешкой». Провинциальное египетское искусство так египетским и осталось, поскольку «у египтян не было силы претворить эллинское искусство, оно только прошло по поверхности египетской традиции». Новое греко-египетское искусство если и родилось, то «умерло в детстве». Что повлияло на пересмотр Ростовцевым его прежних, в сущности дройзеновских взглядов на эллинистическую культуру, где не было места сомнениям насчет ее синкретического характера, — образ современного Египта, который не мог не остудить фантазии «египтомана», отказ от веры в торжество исторического прогресса, неудача с покупкой папирусов? Думаю, эти вопросы еще ждут своего ответа.

В качестве постскриптума ко второму путешествию Ростовцева скажу, что впоследствии он все же сумел справиться с первой задачей. Зимой 1931 г. по пути в Дура-Европос историк заехал в Египет вместе со своим учеником и помощником Ч.Б. Уэллсом и купил у М. Нахмана и некоего «д-ра Кондилиоса» почти 700 папирусов. В начале апреля того же года он вернулся из Сирии в Каир и купил у М. Нахмана еще около 300 папирусов, а в сентябре, находясь в Париже, приобрел все у того же М. Нахмана 250 папирусов. Таким образом, только в 1931 г. для Йельского университета, чья коллекция к тому времени насчитывала всего лишь 300 папирусов. было куплено около 1250, и поэтому мы можем с полным правом говорить, что именно Ростовцев был ее фактическим основателем. В 1932 г. Ростовцев и его коллега по Департаменту классических исследований О.М. Хармон обратились с письмом к руководителю Департамента Дж.Л. Хендриксону, в котором излагали проект публикации нескольких томов йельских папирусов. Как и в случае с русским проектом, Ростовцеву не довелось принять участие в его осуществлении⁴⁸. Если продолжить ряд этих грустных аналогий, созданная им в Иеле школа документальной папирологии прекратила свое существование после смерти его ученика Ч.Б. Уэллса⁴⁹, подобно тому как еще раньше в СССР была фактически уничтожена школа российской папирологии, у истоков которой стоял Ростовцев.

Автор увлекательного романа «Пути к раю» П. Корнель, практикующий жанр «нелинейного письма», в одном из своих комментариев упоминает термин «итерология», придуманный М. Бютором и означающий связь путешествия с письмом и чтением. Исходя из значения этого термина М. Бютор различает два типа путешествий: с одной стороны, «Путь из Парижа в Иерусалим» Шатобриана, с другой – «Путешествие на Восток» Жерара де Нерваля. «Эти две книги, – пишет П. Корнель, – пример двух различных форм путешествия и письма»: линейного, целенаправленного и эгоцентричного у Шатобриана и окольного, лишенного пространственно-временных границ, полного возвращений и отступлений у Нерваля 50. Если обратиться к «итерологии» египетских путешествий Ростовцева (а именно этой проблеме в конечном счете посвящена моя статья), то нельзя не заметить, что за два десятилетия отношение путешественника к истории и культуре греко-римского Египта претерпело существенную эволюцию – от восторженного и романтического к умеренному и критическому восприятию. В то же время пример Ростовцева показывает, что классификация Бютора – Корнеля едва ли исчерпывающая. Бесспорно, имея что-то общее с путешест-

⁴⁸ Греческие и латинские папирусы и пергамены из Дура-Европос были изданы учениками Ростовцева в 1959 г.; первый том греческих папирусов из Египта вышел в 1967, а второй – в 1985 г.; коптские папирусы из йельской коллекции были опубликованы в 1986 г.

⁴⁹ Cp. Bingen J. La papyrologie, d'avant-hier à demain // Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists. Copenhagen, 1994. P. 45.

 $^{^{50}}$ Корнель П. Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. СПб., 1999. С. 64–67.

виями Шатобриана и Нерваля, египетские поездки Ростовцева – опыт совсем иного способа постижения пространства и времени. Не надо быть слишком умудренным, чтобы понять ту простую истину, что каждое путешествие, как жизнь и творчество каждого человека, уникально и неповторимо.

Ю.Н. Литвиненко

M.I. ROSTOVTZEFF'S JOURNEYS TO EGYPT

Yu.N. Litvinenko

The paper is devoted to Rostovtzeff's two journeys to Egypt undertaken in 1908 and 1928. The author demonstrates their place and role in the scholarly career and creative work of the great historian by analyzing his travel notes, diaries and research papers. The author concludes that Rostovtzeff's understanding of the history and culture of Greek and Roman Egypt underwent substantial evolution, developing from romantic enthusiasm towards reserved and more critical attitude.